

И САМИ ЧАК ОН ЕСТЬ

О КНИГЕ А. ОСТРОВСКОГО «СОЛЖЕНИЦЫН: ПРОЩАНИЕ С МИФОМ»

Окончание. Начало — на стр. 1

Андрей ФУРСОВ. Да, "Архипелаг..." явно писался в спешке, под решение некоей задачи.

Михаил ДЕЛЯГИН. "Архипелаг..." komponovalся из кусков. И Александр Островский убедительно показывает, что была в лучшем случае сквозная итоговая редактура текста, но настолько поверхностная, что впору только руками развести. Он просто подсчитывает время, которое было у Солженицына на написание, и показывает, что чисто физически это было невозможно: вот скорость письма при одной работе, вот — при другой. Невозможно было успеть.

Андрей ФУРСОВ. И само издание "Архипелага..." сильнейшим образом ослепило советско-американские отношения. Реально ответственной за это была прогнившая часть ГБ. А если брать внешних игроков, то о Великобритании тоже не забывайте.

Михаил ДЕЛЯГИН. И нужно учесть, что деятельность Солженицына пришлась на переломное время — время, когда сложился тот мир, который сейчас отмирает.

Андрей ФУРСОВ. Этот "водораздельный" мир начал складываться с июньского Пленума ЦК КПСС 1967 года, зафиксировавшего окончательный отказ советской номенклатуры от

Андрей ФУРСОВ. И самое любопытное, что Солженицын как раз относится к этому миру.

Михаил ДЕЛЯГИН. Да, но он в этом смысле ходячее самоотрицание. И книга Островского интересна тем, что показывает, как и почему человек разрушает свой мир, как люди становятся предателями...

Андрей ФУРСОВ. Кстати, Островский высказал мысль, что если бы Солженицыну вовремя дали Ленинскую премию, то СССР имел бы в его лице классика соцреализма.

Михаил ДЕЛЯГИН. Но в советском руководстве ещё со сталинских времён оставались люди с неплохим вкусом, в том числе и Юрий Андропов. Плюс это противоречило стратегии, противоречило проекту.

Андрей ФУРСОВ. Солженицыну не дали премию, основным противником выступил Суслов. Вообще, период конца 60-х — начала 70-х — очень интересный момент перелома советского общества, когда номенклатура стала активно вписываться в западную систему.

Михаил ДЕЛЯГИН. Она подпала под обиходимый тренд отказа от прогресса. Советская система была "прогрессорской", линейной, а отныне стало актуальным возвращение к цикличному времени. Отказ от прогресса накрыл весь мир. И мы, бывшие отрицанием капитализма, вернулись, что

почти по Герберту Уэллсу с его "морлоками" и "элоями". И звучит мысль о неизбежном крахе "долгоживущих", потому что они презирают людей.

Андрей ФУРСОВ. И есть ещё момент, почему "элои", предполагалось, обречены. Никто не отменял второе начало термодинамики — в закрытых системах энтропия нарастает.

А так, если Лев Толстой был, по определению Ленина, "зеркалом русской революции", то Солженицын точно видится зеркалом позднесоветского загнивания.

Михаил ДЕЛЯГИН. Перефразирую: "Какую биографию сделали этому не рыжему..."

Андрей ФУРСОВ. Биографию ему "сшили" что надо, но отъезд за рубеж для него оказался началом конца. Сперва его там приветили — как же, обер-антисоветчик явился, а потом Солженицын попытался выступить в любимой им роли учительного старца. Это было внове для американцев. Гор Видал изумлялся: "Что за дурак?" Американцы, естественно, поучений Солженицына слушать не пожелали. Тот сидел в Вермонте, что-то писал, потом произошли известные события в СССР. Но старец не возвращался, он выжидал.

Михаил ДЕЛЯГИН. Хотел, чтобы его позвали. Вернее, призвали...

Андрей ФУРСОВ. Да, чтобы все хлопоты утряслись, и тогда он с триумфом, с помпой въедет в Россию.

Михаил ДЕЛЯГИН. По меньшей мере, чтобы обставлено было, как въезд аятоллы Хомейни в Тегеран в 1979 году. Не меньше.

Андрей ФУРСОВ. В середине девяностых я жил в Париже и регулярно читал газету "Le Monde". Вспоминается одна карикатура... Полуоткрытая дверь кабака, за которой — непотребные девки, бандиты (символизирующие Россию), у двери — охранник и Солженицын, который, стоя у входа со свечой, говорит: "Могу быть совестью нации, духовным пастырем". А охранник ему отвечает: "Не требуется!"

Михаил ДЕЛЯГИН. Всё логично. С одной стороны, в России насоздавали олигархов, что было на кого опереться, а с другой — позвали Солженицына, чтобы он "осветил" этот бедлам. Хотя в поездке его сопровождало множество журналистов, не всё шло так, как замыслилось. Мне рассказывал корреспондент, который там был: вот выходит Солженицын на привокзальную площадь сибирского городка, смотрит, как некоторые перед ним даже опускаются на колени (!), и говорит себе под нос: "Мало людей!" Сокрушённо так говорит, не на то, мол, рассчитывал. Такой цинизм, такое самоничегие!

Андрей ФУРСОВ. Солженицын обманул себя. Ведь не вернулся же он в 1991-м.

Михаил ДЕЛЯГИН. Тут нужна была смелость.

Андрей ФУРСОВ. Дело не только в этом. Этот человек математически всё просчитывал: когда и что опубликовать, где и как себя повести. Это видно хотя бы из его мемуаров "Бодался телёнок с дубом" (откровенно циничной книги). Человек, который по поводу фото в "Роман-газете" к повести "Один день Ивана Денисовича" замечает, что фотография получилась "скорбная", "какая надо" для данного момента...

Михаил ДЕЛЯГИН. Это случай, когда внимание к деталям убивает понимание. Вы сейчас описали гениального бухгалтера. У него и почерк был удивительно аккуратный. Но бухгалтер не понимает стратегии, не чует духа времени. А когда до Солженицына, как до бухгалтера, дошло, было уже поздно.

Андрей ФУРСОВ. Да, это был его серьёзный карьерный просчёт — он не стал сходо аятоллы Хомейни для новой власти. Прошло всего два-три года, а уже многое изменилось. Есть китайская поговорка: "Человек ушёл, чай остыл". Солженицын приехал к "холодному чаю", и ничего больше уже не написал. Его писанина была лишь боданием с Советским Союзом, да и то по мере его возможностей. И в этом бодании он продемонстрировал неблагодарность, которая у Шекспира устами Гамлета названа "свойством низких натур". Взять хотя бы его высказывания о покойном Твардовском. И дело не только в том, что они негативные.

Михаил ДЕЛЯГИН. А в интонации! Похабные, пренебрежительные слова он нашёл для своего заступника. А ведь даже с сугубо литературной точки зрения Твардовский неоспоримый классик. А что такое Солженицын на весах большой литературы?

Андрей ФУРСОВ. Большой вопрос. У него разве есть что-то сопоставимое с романами и пьесами Леонова или с та-

ким совершенным произведением, как "Разгром" Фадеева?

Михаил ДЕЛЯГИН. Идеальный роман, который просто необходимо изучать в школе. Я до сих пор помню его последнее предложение: "...нужно было жить и исполнять свои обязанности". Точка.

Андрей ФУРСОВ. В "Разгроме" я вижу линию преемственности от толстовского "Хаджи-Мурата", это изумительная вещь! А вот Солженицын на этом фоне смотрится бледно.

Михаил ДЕЛЯГИН. Или на фоне эпохальных "Угрюм-реки" Шишкова, "Порт-Артура" Степанова!

Андрей ФУРСОВ. Заметьте, мы пока даже не трогали содержания писаний Солженицына. Взять хотя бы "В круге первом" — роман абсолютно подлый. Меня удивляет, почему главного героя этого романа посадили, а не расстреляли!

Михаил ДЕЛЯГИН. Гуманной советская цивилизация была, слишком гуманной.

Андрей ФУРСОВ. Ведь главный герой романа сообщает американцам, что наши учёные готовят ядерное оружие, поэтому давайте бейте, ребята, по СССР...

Михаил ДЕЛЯГИН. Человек сознательно провоцирует удар по своей стране. Притом удар ядерный — заведомо с колоссальным количеством жертв!

Андрей ФУРСОВ. Этого человека надо было поставить к стенке, а его сажают в лагерь, отправляют работать во вполне комфортной "шарашке"! И этому предателю симпатизирует автор. Получается, предатель симпатизирует предателю.

Михаил ДЕЛЯГИН. Логично!

Андрей ФУРСОВ. Была большая статья у Николая Николаевича Яковлева "Продавшийся и проstack". Так вот продавшийся — это Солженицын, а проstack — Сахаров. Он сравнил их пути. И финал у Солженицына получился закономерным: он оказался не нужен в США, равно как и в постсоветской России. Возьмите солженицынское эссе "Как нам обустроить Россию?"... Это же демонстрация полного непонимания того, что происходит у нас!

Михаил ДЕЛЯГИН. Но по этой работе довольно много было осуществлено.

Андрей ФУРСОВ. Что вы имеете в виду?

Михаил ДЕЛЯГИН. Появление Госдумы, восстановление досоветской риторики. Городового разве только не ввели!

Андрей ФУРСОВ. Понятно. Кстати, если помните, сначала эту нашу Думу, которая стала первой постсоветской, хотели назвать Пятой Думой.

Михаил ДЕЛЯГИН. Да, очень хорошо помню...

Андрей ФУРСОВ. Хотели восстановить историческую "девственность", но потом ума хватило этого не делать. И справедлива тут избитая фраза, что "история повторяется дважды: первый раз в виде трагедии, а потом уже — в виде фарса".

Михаил ДЕЛЯГИН. Имитация жизни в форме продления прежнего.

Андрей ФУРСОВ. Да, безусловно. И что важно, большая русская литература всегда была искренней. А в солженицынских весах искренности нет, там всё время какое-то второе дно, умысел, фальшь. Впечатление у читателя, что ты сел играть в карты с шулером.

Михаил ДЕЛЯГИН. Так ведь предатель и не может быть искренним. Это свойство характера, а с другой стороны, может быть, именно поэтому этот человек так и не стал хорошим писателем. Корявый стиль — он ведь разным бывает. Есть случай Платонова, где стиль принципиально коряв, или Зощенко с его просторечиями.

Андрей ФУРСОВ. У них-то "корявость" естественная, а Солженицын придумывал язык, которого нет, язык нарочитый.

Михаил ДЕЛЯГИН. Это бухгалтерский менталитет вошёл в его язык. Может быть, его предательство и не позволило ему стать писателем. Неискренность всегда останавливает творчество. Отсюда и многословие Солженицына. Да, конечно, у Льва Толстого тоже есть предложения чуть ли не в пару страниц, но в его текстах всегда просвечивает суть проживаемой жизни — Лев Толстой так и жил, и вы через текст забираетесь в эту его жизнь. А если человек не живёт жизнью, о которой вешает, то в тексте наткнёшься на "крапиву", "колючую проволоку", "рвы" и прочие препятствия для понимания. Это будет уже не русской литературы писатель.

Андрей ФУРСОВ. А "сочинитель" или "автор". Да. Согласен. И изучать его будет не с точки зрения литературы, а совсем по другой части. Были, конечно, попытки посмотреть на данного деятеля сквозь розовые очки — например, Сараскина в жэззэловской биографии Солженицына постаралась обойти все острые углы, связанные с "сексом Ветровым".

Михаил ДЕЛЯГИН. Самое страшное в Солженицыне — его равнодушие к людям, даже цинизм. Из-за него повесилась женщина — ему это было безразлично. Он мог не брать трубку, когда ему звонили люди, которым была нужна помощь, но это не входило в его расчёты. Он находил трусливые и циничные отговорки, что-де они сами выбрали свою судьбу.

Андрей ФУРСОВ. И ведь это был период, когда он ещё надеялся сделать советскую карьеру. До поры до времени он старался не делать резких шагов, писал лстывные письма Шолохову, которого потом обгадил. И если уж говорить о том, кому Солженицын жутко завидовал, то это был именно Михаил Александрович Шолохов, суперклассик, нобелевский лауреат. Ибо какого бы высокого мнения Солженицын ни был о себе, он не мог не понимать, что такой вещи, как "Тихий Дон", ему никогда не написать — кишка тонка.

Михаил ДЕЛЯГИН. Неудивительно, что именно Шолохов является постоянной мишенью наших английских "партнёров", в методичках которых это чётко прописано.

Андрей ФУРСОВ. Отношение Солженицына к Шолохову мне напоминает ситуацию из романа Каверина "Два капитана", когда Ромашка (Ромашов) откровенно говорит Сане Григорьеву, что он хотел у него отобрать его любовь, Катю Татарину, потому что он знал, как тот её любит, и знал про себя, что сам он на такую любовь не способен в принципе.

Михаил ДЕЛЯГИН. А в смысле стратегическом Шолохов, на самом деле, создал то, из чего потом выросла Победа в Великой Отечественной войне. В "Тихом Доне" он описал единство в противоречии, когда стороны идут стенка на стенку, бьются на взаимное уничтожение, а в итоге образуют единый народ. Величие Шолохова в том, что он дал нам формулу сохранения единства народа, который воскресает, как феникс, из пепла. Вот почему Шолохов ненавистен врагам нашего народа. Он показал историю совершенно невероятную, которую и по сей день многие наши монархисты осмыслить не в состоянии.

Андрей ФУРСОВ. Роман Шолохова о Гражданской войне аналогов вообще не имеет. Это, безусловно, одна из вершин мировой литературы, не только русской.

Михаил ДЕЛЯГИН. И действия по дискредитации Шолохова носили характер психохисторической войны, и не только потому, что хотели внушить нам, что у нас нет ни героев, ни великих писателей, но главным образом потому, что хотели уничтожить саму идею народного единства.

Андрей ФУРСОВ. Тот же смысл носила и психохисторическая война против Психина.

Михаил ДЕЛЯГИН. Эти действия сродни попыткам дискредитировать Победу в Великой Отечественной войне, оклеветать Гагарина — всё, на чём стоит наше общество.

Андрей ФУРСОВ. Или Зою Космодемьянскую...

Михаил ДЕЛЯГИН. Конечно. И теперь понятно, почему некоторые в наших верхах так "привечают" Солженицына. Даже если эти люди не приемлют предательства в личном плане, они тут совершают чудовищное предательство — преступление социохисторического порядка. Народ наш сто лет назад не случайно выбрал большевиков. Те обеспечили стране прогресс, создали самую развитую и гуманную цивилизацию в истории. А те, кто стали откредитовываться от СССР ради сохранения власти, ради того, чтобы просто пограбить, совершая историческое предательство, ощущают свою близость с Солженицыным, так как они такие же.

Андрей ФУРСОВ. Отказавшись от советского прошлого, они откредитовались от русского модерна. А это фатальный шаг.

Михаил ДЕЛЯГИН. Да. И его нельзя путать с Серебряным веком, который был лишь декадансом, красиво выглядящим разложением.

Андрей ФУРСОВ. У Станислава Юрьевича Куняева есть шикарная книга "Любовь, исполненная зла", она ровно об этом. О том, что Серебряный век был гниением, которое впоследствии стало выдвигаться за колоссальное достижение. Реальным же модерном, холодным, суровым, но и здоровым в

своей свежести был Советский Союз, а вовсе не тупиловый Серебряный век. И отказ от советской эпохи — это отказ от модерна как такового в пользу непонятно чего.

Михаил ДЕЛЯГИН. В пользу того самого "блатного феодализма", о котором я упоминал в начале нашей беседы. Этот феодализм очень недолго будет компьютерным. Они все веруют в киберпанк, в то, что люди будут вечно прыгать по веткам соцсетей, как обезьяны, и где-то над этим будут эффективно действовать системы жизнеобеспечения.

Андрей ФУРСОВ. Всё сломается, и что будет?

Михаил ДЕЛЯГИН. Оптимизация, так сказать, поголовья.

Андрей ФУРСОВ. И превращение человека в человечину, в социальное мясо. Недавно Елена Сергеевна Ларина очень хорошо заметила в одной из своих статей, что троечники и двоечники, родившиеся в восьмидесятых и девяностых годах XX века и воспитанные на фэнтези, на Гарри Поттере, воспринимают искусственный интеллект не как технический, рациональный, а как чудо, как магический кристалл. Это восприятие говорит о том, что, случись что-то с компьютерной сетью...

Михаил ДЕЛЯГИН. Они даже не смогут отремонтировать ливневую канализацию! А её ремонт, кстати, более сложная творческая задача, чем прокладывание заново.

Андрей ФУРСОВ. И получится финал "Человека-невидимки". Помните, там хозяин трактора, у которого после смерти Гриффина оказались его бумаги, по вечерам достаёт рукописи Гриффина и тщетно пытается разобраться в них, бормоча: "сколько тут тайн, господи, вот голова была!" Не исключено, что и сегодняшние математические формулы могут стать чем-то вроде египетских иероглифов.

Михаил ДЕЛЯГИН. И даже не в будущем, а уже сейчас.

Андрей ФУРСОВ. Тот же Клаус Шваб прямо показывает, что все эти люди рассчитывают спрятаться за искусственным интеллектом. Но не спрутсся, потому что придёт новый варвар с дубиной и разобьёт их искусственный супермозг.

Михаил ДЕЛЯГИН. Искусственный интеллект не может решать творческие задачи без человека. Но люди в массе своей уже доведены до того, что эти творческие задачи они не способны даже поставить.

Андрей ФУРСОВ. В том числе всё идёт по заветам Фурсенко — воспитали "квалифицированных потребителей".

Михаил ДЕЛЯГИН. Только ведь Болонский процесс придумал не он и не Ярослав Кузьминов. Это общее одичание — просто наши одичалые тут побежали, обгоняя общемировой паровоз.

Андрей ФУРСОВ. К этой деградиционной модели мир повернулся ещё на рубеже 1960–1970-х годов!

Михаил ДЕЛЯГИН. Кстати, Солженицын "Архипелаг ГУЛАГ" был вынужден выпустить на три года раньше, чем планировал. Ему сказали: "Пора, вперёд!"

Андрей ФУРСОВ. "Фас!" — скомандовали. И получается, что Солженицын оказался зеркалом не только советского загнивания, но и (анти)советским зеркалом начавшейся мировой варваризации. Вот почему он будет интересен историкам в будущем как зеркало неохаризации в одной, отдельно взятой стране.

Михаил ДЕЛЯГИН. Солженицын — предтеча киберпанка! Пусть на памятник Солженицыну в Москве так и напишут.

Андрей ФУРСОВ. Только этот "предтеча" работал против нашей с вами Родины. И этого мы никогда ему не простим.

Михаил ДЕЛЯГИН. Для меня Солженицын был и останется человеком, который мечтал сбросить на меня, моих родителей, на всё, что мне дорого, атомную бомбу, и был притом настолько труслив, что вкладывал эти мечтания в уста своим героям, а сам старался грань Уголовного кодекса не переступать.

Андрей ФУРСОВ. Солженицын адекватен тому, что оформилось у нас в 1991 году. К тому же, как бы к нему ни относиться, он всё-таки часть, пусть и далеко не лучшая, нашей литературы. А в России литература — больше, чем литература.

Спасибо, Михаил Геннадьевич, за беседу!

Михаил ДЕЛЯГИН. Спасибо и вам, Андрей Ильич!

Памятник Солженицыну во Владивостоке

рышка в будущее. И прошедший "ковидный" год подвёл под этот период жирную черту.

Михаил ДЕЛЯГИН. Да. Эту мысль разделяет и И.И. Смирнов в книге "Тропы истории. Крптоаналитика глубинной власти", которую вы, кстати, издали. А параллельно поднималась теневая Британская империя, которую перехватили американцы, и из которой позже "вымаха" глобальный спекулятивный капитализм, каким мы его знаем. Из-под этого офшорного мира выпросталась идея, что надо менять не мир, а представление о нём. Пошла в рост идеология тотальных развлечений как средства создания новых рынков. А потом поняли, что это и огромная власть. А когда до этого уровня досрочно развитие персональных компьютеров, мы получили "на выходе" весь современный мир.

Андрей ФУРСОВ. О "родах" этого нового мира минувшим летом повелад президент Давосского экономического форума Клаус Шваб. Его книга называется "Великое обнуление". Там всё названо своими именами, очерчены контуры мира, который является полным отрицанием мироустройства, сложившегося в конце 1960-х — начале 1970-х годов.

Михаил ДЕЛЯГИН. В этой книге подтверждено полное отрицание гуманизма в любых его формах. И ведь это отрицание очень давнего мира, который начал складываться ещё в эпоху Возрождения!

называется, в родное лоно. Импульс 1920–1930-х годов заглох напрочь.

Андрей ФУРСОВ. История часто выкидывает самые разные фортели, но обращает внимание, что одним из центральных вопросов того Пленума ЦК 1967 года стало утверждение тезисов к празднованию 50-летия Великой Октябрьской революции.

Михаил ДЕЛЯГИН. То есть стали смотреть назад, вспять.

Андрей ФУРСОВ. Искать дворянские корни, предков-дворян.

Михаил ДЕЛЯГИН. Это был стихийный отклик на дух времени: будущего не стало, раз коммунизм посулили к началу 1980-х. Уже в 1969 году первые "колбасные" электрички пошли в Москву.

Андрей ФУРСОВ. Изменилась тональность советской фантастики, она смотрела вглубь уже с шестидесятых годов. Вместо ранних Стругацких с их "Полднем" зазвучали странные, тревожные ноты, например, у Ефремова в "Туманности Андромеды" (1957 год), потом в "Часе Быка" (1970 год), который изымали из библиотек: планета Торманс оказалась очень похожа на лихорадичий поздний Советский Союз...

Михаил ДЕЛЯГИН. Там были "юки" ("короткоживущие" — работяги), "джи" ("долгоживущие" — интеллигенция) и "зееносцы" (госслужащие, в том числе силовики) —